

ЧЕЛОВЕК НА ВОЙНЕ В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ЦИКЛЕ Р. Б. ГУЛЯ «ЛЕДЯНОЙ ПОХОД (С КОРНИЛОВЫМ)»

С. Н. Гладышева

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 30 апреля 2019 г.

Аннотация: в статье анализируется публицистический цикл Р. Б. Гуля «Ледяной поход (с Корниловым)», посвященный одному из значительных эпизодов Гражданской войны в России. Особое внимание уделяется способам изображения человека на войне, утверждению общечеловеческих ценностей в произведении Р. Б. Гуля.

Ключевые слова: Р. Б. Гуль, публицистика русского зарубежья, Гражданская война, человек на войне.

Abstract: the article explores the publicistic cycle by R. B. Gule «Ice Trip (with Kornilov)» devoted to one of the major episodes of Civil War in Russia. Special attention is paid to the ways of depicting a man at war, establishing universal values in R. B. Gule's work.

Keywords: R. B. Gule, Russian emigre public writing, Civil War, man at war.

Публицисты русского зарубежья внесли большой вклад не только в осмысление событий революции 1917 г. и последовавшей за ней Гражданской войны, но и в изображение человека, находящегося в экстремальной ситуации. Особое место в ряду произведений, посвященных трагической странице русской истории, показывающих сложные переломы в сознании и психологии людей периода братоубийственной войны, занимает публицистический цикл Р. Б. Гуля «Ледяной поход (с Корниловым)» (1921).

Роман Борисович Гуль (1896–1986) — писатель, публицист, который с 1919 г. находясь за границей (сначала в Берлине, затем в Париже, с 1950 г. — в Нью-Йорке), стал влиятельной и заметной фигурой в русском зарубежье. С юности Р. Б. Гуль оказался в водовороте российских событий: учебу на юридическом факультете Московского университета прервала Первая мировая война, Октябрьская революция застала его на фронте. Перемены, которые произошли в стране после октября 1917 г., он не принял. Большевицкий переворот, по его мнению, открывал дорогу чудовищному насилию. Позже в своей трилогии «Я унес Россию. Апология русской эмиграции» он напишет: «Из народных недр вырвалась ранее невидимая и незнаемая страсть всеразрушения, всеистребления и дикой ненависти к закону, порядку, праву, покою, обычаю» [1, 41–42].

Считая, что власть должна перейти к Всероссийскому учредительному собранию, Гуль вместе с братом Сергеем вступил в Добровольческую армию, участвовал в «Ледяном походе» генерала Л. Г. Корнилова, был легко ранен.

В эмиграции он стал писателем, активно занимался журналистской деятельностью. В 1921–

1923 гг. работал секретарем редакции журнала «Новая русская книга», был членом берлинского Союза русских писателей и журналистов, в 1923–1924 гг. редактировал литературное приложение к газете «Накануне». В Берлине были изданы его книги «Ледяной поход (с Корниловым)» (1921), «В рассеянии сущие: Повесть из жизни эмиграции 1920–1921» (1923), «Тухачевский. Красный маршал» (1932), «Красные маршалы: Ворошилов, Буденный, Блюхер, Котовский» (1933).

В парижский период эмиграции он сотрудничал в газете «Последние новости», еженедельнике «Иллюстрированная Россия», авторитетном «толстом» журнале «Современные записки». Переехав в Нью-Йорк, он стал секретарем «Нового журнала», а с 1959 г. до своей смерти в 1986 г. был его главным редактором. В Америке вышла в свет его художественная автобиография «Конь рыжий», книги «Одвуконь: Советская и эмигрантская литература», «Одвуконь-2: Статьи». Крупным событием в культурной жизни эмиграции стала мемуарная трилогия Гуля «Я унес Россию. Апология эмиграции».

Автор публицистического цикла «Ледяной поход (с Корниловым)» — непосредственный участник Первого Кубанского похода Добровольческой армии (от Ростова-на-Дону до Екатеринодара и обратно на Дон), который продолжался с 22 февраля по 13 мая 1918 г. Сначала «ледяным» назвали сражение у станицы Новодмитриевской (28 марта 1918 г.), накануне которого лил холодный ливень, а перед утренней атакой ударил двадцатиградусный мороз. Добровольцы, покрытые панцирями из льда, выбили большевиков из станицы. Впоследствии название распространилось на весь военный поход, который стал символом рождения Белого сопротивления в России.

Летописцами Ледяного похода стали многие его участники — например, А. И. Деникин в «Очерках русской смуты» [2], А. Р. Трушнович в «Воспоминаниях корниловца: 1914–1934» [3]. В указанных произведениях на первый план выходит военно-политическое начало похода. Р. Б. Гуль дает прежде всего нравственное, человеческое измерение событий, связанных с Первым Кубанским походом и в целом с Гражданской войной. Позже он напишет: «Я, молодой человек двадцати двух годов, был так потрясен зверством гражданской бойни, что почувствовал потребность рассказать о ней правду <...> чтобы люди увидели нелепость, глупость и зверство того, что называется словами “гражданская война”» [4, 18].

Автор использовал традиционный для путевых заметок и очерков «географический» принцип построения текста, он стремился рассказать о событиях не только максимально последовательно, но и подчеркнуть передвижение в пространстве, показать происходящее в динамике. Публицистический цикл Гуля густо «населен»: это и белые воины, и красные, и гражданское население городов, станиц, встречающихся на пути движения Добровольческой армии. В поле зрения автора — люди, втянутые в воронку Гражданской войны: генералы, офицеры, рядовые, старики, женщины, дети...

В цикле можно встретить общий план сражений, когда их участники — всего лишь «серые фигуры» или «черные точки»: «Рвутся их снаряды, и клопочут уходящие наши. Пулеметчик прижался к пулемету. Пулемет ожесточенно захлопал, дрожит, выбрасывает струйку белого дымка и рвется вперед, как скаковая лошадь. Пиу... пиу... — свистят, мягко тыкаясь, пули. Защелкали винтовки. Серые фигуры вжались в белый снег. Лица бледны, серьезно-ожесточенны. Глаза выбирают черные точки на противоположной дали, руки наводят на них винтовки, глаза зорко целятся...» [5].

Отдельные страницы произведения посвящены подробному описанию конкретных сражений. Предлагая читателям звуки, краски боя, его детали, автор пытается передать и психологию воюющего человека. Например, репортажная манера повествования о сражении у станицы Кореновской, когда короткие, отрывистые фразы подчеркивают динамику сражения, его стремительный ритм, сочетаются с описанием непрерывного течения мыслей, впечатлений и чувств автора, по сути дела, его потоком сознания:

«Отходить!» — кричит кто-то по цепи... Что такое? Почему?..

Все встают, отступают, некоторые побежали...

Отступление! Проиграли!

Но куда же отступить! Некуда ведь! Я иду, оборачиваюсь, стреляю в черненькие фигурки, иду быстро, меня обгоняют...

Смешались!.. Как неприятно...

«Кучей не идите!» — кричит кто-то... Сзади роём

визжат, несутся пули, падают кругом, шлепая по земле... Неужели ни одна не попадет в меня?... как странно, ведь я такой большой, а их так много... Смотрю вправо, влево — все отступают... “Куда же вы, господа!” — раздаются крики... “Стойте! Стойте!..” Раненого Лойко бросили, он полз, но перестал... вот уже скоро наша артиллерия...

...Сзади черненькие фигурки что-то кричат... интересно, какие у них лица... Ведь тоже — наши, русские... наверно, звери...

“Стойте же, господа!”, “стойте... вашу мать!” — кричат чаще... Кое-где останавливаются отдельные люди, около них другие, третьи...» [5].

В этом отрывке заметна попытка беспристрастной регистрации разнородных проявлений психики, это своего рода стенограмма психических реакций автора на происходящее.

О ком бы ни рассказывал автор, его волнуют прежде всего человеческие качества героя. Генерал Корнилов для него — не только идеальный полководец, но и внимательный, заботливый человек, который никогда не пренебрегает ни жизнью солдат, ни их достоинством. Описывая свою встречу с Корниловым в штабе, автор пытается дать герою портретную характеристику, подмечая приметы его внешности: «Лицо у него — бледное, усталое. Волосы короткие, с сильной проседью. Оживлялось лицо маленькими, черными как угли глазами» [5].

Описывая общение с генералом, автор обращает внимание на ситуации, которые выявляют черты характера: «Хотим просить разрешения встать, но Корнилов нас перебивает: “Нет, нет, сидите, я хочу поговорить с вами... Ну, как у вас там, на фронте?” И генерал расспрашивает о последних боях, о довольствии, о настроении, о помещении, о каждой мелочи. Чувствуется, что он этим живет, что это для него “всё”» [5]. Гуль показывает внимательное отношение генерала к подчиненным (например, тот возмущен, что солдат перевозят на платформах, а не в вагонах), его человечность.

Еще один штрих к портрету Корнилова — мгновенная реакция генерала на сигнал Р. Б. Гуля о хаосе в лазарете («Тяжелоранеными неделями не меняют перевязок, раненые просят доктора — докторов нет...» [5]): «И не прошло 15 минут, как в дверях нашей комнаты появилась гневная фигура Корнилова. Около него: заведующий лазаретом, старший врач... Корнилов что-то говорит, резко жестикулируя. Видно, что он негодует» [5]. Забота о солдатах и офицерах, внимание к их нуждам и проблемам — важная для автора черта характера Корнилова. Генерал воспринимается как отец белых воинов.

Отметим своеобразие в подходе к изображению событий Гражданской войны в произведении Р. Б. Гуля и заметное отличие его оценки белой армии от того, что представлено в публицистике И. С. Шмелева, А. И. Куприна и др. Если, по мнению Шмелева,

«Ледяной поход — одна из светлейших, по чистоте духовной, одна из белейших страниц русской истории» [6, 165], то Гуль показывает не только героизм белых воинов, но и «изнанку», грязь братоубийственной войны. Немало страниц «Ледяного похода» посвящено тяжелому военному быту, проявлениям крайней жестокости на войне, мародерству, страшным картинам разорения русского народа.

Автор показывает, что война перечеркнула привычную жизнь людей: «Заняли хутора. Нигде ни души. Валяются убитые. По улицам бродят, мыча, коровы, свиньи, летают еще не пойманные куры. Переночевали на подводах и утром выезжаем на Филипповские. Над селом подымается черными клубами дым, его лижет огонь красными языками. И скоро все село пылает, разнося по степи сизые тучи...» [5].

Народное горе показано у Гуля в лицах, в каждой строке ощущим трагизм человеческих судеб. Заметно, что он сочувствует и одной стороне, и другой. С чувством вины он рассказывает о женщине, нашедшей среди расстрелянных добровольцами у села Лежанка тело своего мужа: «К убитым подъехала телега. В телеге — баба. Вылезла, подошла, стала их рассматривать подряд... Кто лежал вниз лицом, она приподнимала и опять осторожно опускала, как будто боялась сделать больно. Обходила всех, около одного упала, сначала на колени, потом на грудь убитого и жалобно, громко заплакала: “Голубчик мой! Господи! Господи!..”

Я видел, как она, плача, укладывала мертвое, непослушное тело на телегу, как ей помогала другая женщина. Телега, скрипя, тихо уехала...» [5].

С нескрываемым сочувствием он пишет и о матерях добровольцев, которых видел в Новочеркасске, находясь в госпитале: «Чаще, чаще у дверей Епархиального училища появляются женщины с взволнованными лицами. Они останавливают встречаемых раненых, спрашивая дрожащим голосом: “Скажите, пожалуйста, не знаете ли вы... он маленький такой, брюнет... не здесь ли он?..”

Лица у них истрадавшие, в глазах слезы, губы дергаются. Это матери разыскивают своих детей.

Одни из них находят, другие узнают о смерти, третьи ничего не могут узнать. И все они плачут, не в силах сдержать ни своей радости, ни горя, ни страшной неизвестности...» [5].

Публицисту важно показать, что Гражданская война — это общая трагедия, общее горе русского народа.

Автор не раз описывал сцены неоправданной жестокости своих сослуживцев. Заметно, что он внутренне протестует против подобной антигуманности, но понимает, что ничего изменить не может. Например, он подробно рассказывает о массовом расстреле пленных у села Лежанка:

«Долетело: пли!.. Сухой треск выстрелов, крики, стоны...

Люди падали друг на друга, а шагов с десяти, плотно вжавшись в винтовки и расставив ноги, по ним стреляли, торопливо щелкая затворами. Упали все. Смолкли стоны. Смолкли выстрелы. Некоторые расстреливавшие отходили.

Некоторые добывали штыками и прикладами еще живых» [5].

Автор с сожалением итотит: «Вот она, гражданская война; то, что мы шли цепью по полю, веселые и радостные чему-то, — это не “война”... Вот она, подлинная гражданская война...» [5].

Позже в первой части знаменитой трилогии он напишет: «Расстрелы же добровольцами крестьян в селе Лежанка мне были непереносимы, из-за них все во мне восставало, и я в них не участвовал, ибо политически считал самоубийственными, а душевно во мне невмещаемыми» [1, 55].

Гуль показывал чудовищное, разрывающее влияние войны на человека, в том числе и на самого себя: «Мы бежим влево, на железнодорожный мост. Мост обстреливается пулеметом, но мы с братом уже пробежали его, сбежали с насыпи. Под ней, вытянувшись, лежит весь в крови черный, бледный солдат, широко открывает рот, как птица...

“А, сдыхаешь, сволочь!” — проносится у меня и тут же:

“Господи, что со мной?”» [5].

Важно подчеркнуть, что Р. Б. Гуль фиксирует факты жестокости как со стороны красных, так и со стороны белых. Заметно, что понимание автором гуманизма входит в противоречие с военной действительностью. О каком бы эпизоде ни рассказывал публицист, для него высшей ценностью остается человек. Поэтому он особо отмечает любые проявления гуманности и человечности на войне. Большевикская медсестра, перевязывавшая во время боя всех раненых — и своих, и противника, становится для автора свидетельством того, что война не смогла до конца вытравить человеческое начало в человеке: «Привезли раненую сестру, большевистскую. Положили на крыльце. Красивая девушка с распущенными, подстриженными волосами. Она ранена в таз. Сильно мучается. За ней ухаживают наши сестры. От нее узнали, что в Екатеринодаре женщины и девушки пошли в бой, желая помогать всем раненым. И наши видали, как эта девушка была ранена, перевязывая в окопе и большевиков и добровольцев» [5].

В «Ледяном походе» передано не только «внешнее» движение — в пространстве и во времени — мелькают станицы, сменяют друг друга дни; но и «внутреннее» — движение души самого автора. Записи Гуля — это не только фиксация увиденного, но и непрерывная цепь размышлений автора о том, как оставаться человеком в нечеловеческих условиях. Гуль, воевавший на фронтах Первой мировой и Гражданской войн, так и не смог принять насилие и внутренне протестовал против него (об этом сви-

детельствуют и слова Дантона, взятые в качестве эпиграфа: «Я предпочитаю быть гильотинированным, нежели гильотинирующим» [5]).

Он показывал эпидемию насилия, охватившего страну в годы революции и Гражданской войны, братоубийственный характер войны. Позже в первой части трилогии «Я унес Россию» он напишет об этом периоде: «Я узнал до конца, что значат слова: *гражданская война*. Это значило, что я должен убивать неких неизвестных мне, но тоже русских людей: в большинстве крестьян, рабочих. И я почувствовал, что *убить русского человека мне трудно*. Не могу» [1, 54].

В центре внимания публициста — человек в нечеловеческих условиях, человек, который силой обстоятельств ввергнут в пучину насилия, но отчаянно пытается вырваться из нее и сохранить свою душу. Изображение пронзительно-тоскливого одиночества человека на войне роднит «Ледяной поход (с Корниловым)» Р. Гуля с «Дневником 1920 года» И. Бабеля, отдельные страницы которого послужили основой для книги «Конармия» (1923–1925). Показывая губительное влияние войны на душу человека, Гуль, как и Бабель, ощущает себя «на большой непрекращающейся панихиде» [7, 285].

В годы страшной братоубийственной войны Гуль утверждал ценность человеческой жизни, отстаивал интересы отдельно взятой личности. Публицистический цикл отличает гуманистическая устремленность в будущее, ибо нет и не может быть ничего ценнее в этом мире, чем жизнь человека.

В последней части путевых заметок мы видим автора, принявшего для себя архиважное решение — уйти от ужаса войны, в которой он не видит никакого смысла, в которой нет и не может быть победителей.

Братоубийство Гражданской войны на этом не остановилось, но Р. Б. Гуль больше не хочет в нем участвовать. И этот перелом в сознании автора хорошо демонстрируют строки: «Вместо пушек — заквакали лягушки. Вместо пулеметов — трещат кузнечики» [5]. «Ледяной поход (с Корниловым)» завершается фразой: «Вскоре мы с братом вышли из армии» [5].

Публицистический цикл Р. Б. Гуля не только существенно расширяет наши представления о конкретном эпизоде Гражданской войны в России, но и продолжает гуманистические традиции русской публицистики, в которых жизнь и счастье человека преобладают над другими ценностями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гуль Р. Б. Я унес Россию. Апология эмиграции: в 3 т. / Р. Б. Гуль. — М.: Б.С.Г.-ПРЕСС, 2001. — Т. 1. — 554 с.
2. Деникин А. И. Очерки русской смуты: Борьба генерала Корнилова. Август 1917 — апрель 1919 / А. И. Деникин. — Минск: Харвест, 2002. — 399 с.
3. Трушнович А. Р. Воспоминания корниловца: 1914–1934 / А. Р. Трушнович. — Москва-Франкфурт: Посев, 2004. — 336 с.
4. Гуль Р. Моя биография / Р. Гуль // Новый журнал. — 1986. — № 164. — С. 14–82.
5. Гуль Р. Б. Ледяной поход (с Корниловым) / Р. Б. Гуль. — Режим доступа: http://www.xx13.ru/belie/guhl_ledpohod.htm (дата обращения: 08.04.2019).
6. Шмелев И. С. Крестный подвиг: Очерки, статьи, автобиографические заметы. 1922–1934. Воспоминания о И. С. Шмелеве / И. С. Шмелев / Сост., вступ. статья О. С. Фигурновой, М. В. Фигурновой. — М.: Собрание, 2007. — 632 с.
7. Бабель И. Э. Дневник 1920 г. / И. Э. Бабель // Собр. соч.: в 4 т. — М.: Время, 2006. — Т. 2. — С. 222–334.

Воронежский государственный университет
Гладышева С. Н., кандидат филологических наук, доцент
кафедры истории журналистики и литературы
E-mail: svetglad@mail.ru

Voronezh State University
Gladysheva S. N., Candidate of Philology, Associate Professor
of the Journalism History and Literature Department
E-mail: svetglad@mail.ru